

A young boy and girl are shown in a close embrace in a snowy environment. The boy, on the right, has long, wavy brown hair and striking blue eyes. He is wearing a dark blue winter jacket with a white fur-lined hood. The girl, on the left, has light brown hair and also has blue eyes. She is wearing a light grey jacket with a red quilted vest over it. Snowflakes are falling around them, and the background is a soft, out-of-focus grey. The overall mood is tender and serene.

ПОЛИНА ЛЮРО

СОН

Полина Люро

Сон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70675240

SelfPub; 2024

Аннотация

Иногда, казалось бы, самый обыкновенный сон может иметь неожиданные, а порой и просто фантастические последствия...

Полина Люро

Сон

Я стоял перед своим домом и не решался войти. Ключи привычно лежали в руке, надо было лишь сделать несколько шагов: перейти сквер и открыть магнитным ключом дверь подъезда. Дома сейчас никого не было, а я медлил. И даже если бы рискнул и вошёл, то что бы сказал родителям и бабушке в своё оправдание? Как объяснил им, *кто я такой* и почему нахожусь в *нашей* квартире?

А началось всё с моего сегодняшнего сна. Хорошо говорить — всего-то игра подсознания и только... Ну да, я раньше тоже так думал — часто видел яркие сны, и мама говорила, это всё потому, что не вылезая из-за компьютера. А что такого-то, кто из ребят не играет, верно? Может, у меня просто сильно развито воображение, и компьютер тут вообще ни при чём — впрочем, сейчас это уже не важно...

В моём мрачном сне всё казалось таким реальным: особенно бег с препятствиями по подземным туннелям, хотя выполнением очередной миссии тут и не пахло — просто искал выход, потому что было до чёртиков страшно. Тусклое освещение, неровные, тёмные, покрытые мхом стены, скользкий пол и ни одной двери, только развилки, уводившие всё дальше и дальше.

Я чувствовал, что замерзаю: дыхание вырывалось мороз-

ными облачками, а руки посинели от холода, к тому же меня знобило. И не удивительно — раздетый и босой мчался чёрт знает куда в одних боксерах, словно только что спрыгнул с кровати и вперёд в туннель... Да что же такое со мной происходило, возможно, заболел и просто бредил? В любом случае было ясно, что, если в ближайшее время не найду выход из подземелья, точно дам дуба.

И тут она появилась прямо передо мной, эта металлическая дверь с ручкой в виде красного шара, такая же, что стоит у нас в подъезде. Я сразу за неё схватился и тут же с воплем отдёргнул руку, а потом словно идиот смотрел как растёт на ладони большой пузырь. Ожог, самый настоящий, как в детстве, когда с дуру схватился за горячую сковороду...

До меня не сразу дошло, что дверная ручка не красная — она просто *раскалена*. Как бы я не был растерян в тот момент, всё же сообразил, что вариантов всего два: остаться здесь и замёрзнуть или пожертвовать второй рукой, попытавшись открыть дверь. Третий вариант — развернуться и бежать назад — даже не рассматривался, потому что, оглянувшись, позади себя вместо уже доставшего туннеля я увидел глухую стену. Всё, приехали...

Не знаю, был ли холод причиной того, что боли в руке не чувствовал, но этот факт приободрил. Мелькнула догадка: я же всегда сплю с открытой форточкой, одеяло упало, потому и холодно. Это настолько меня успокоило, что, не раздумывая, схватился здоровой ладонью за ручку двери и по-

тянул на себя.

Она легко подалась, и я просто ввалился в светлую комнату с мраморным полом. А кроме этого разглядеть ничего не удалось, потому что стены и потолок были скрыты густым туманом. Позади раздался стук закрывающейся двери. Значит, это ловушка, но здесь хотя бы тепло, что, правда, не помешало мне задрожать ещё сильнее.

Внезапно сильнейшая пощёчина сбила с ног, и произошло это так неожиданно, что сразу и не понял, почему так горит щека, а я стою на коленях, почти уткнувшись носом в пол. Попытка поднять голову закончилась тем, что невидимая рука придавила шею, не позволив даже шевельнуться. Всё, что удалось увидеть — красный с золотыми прожилками мрамор пола и касавшийся его край широкого чёрного одеяния. Свободные складки то ли плаща, то ли сутаны скрывали ноги ударившего меня человека.

В этой тёплой комнате вдруг стало холоднее, чем в мерзком туннеле, но при этом я продолжал обливаться потом, чувствуя, как липкие капли стекают с мокрых волос на шею и щёки. Опираясь дрожащими руками в пол, я был уже на грани срыва, когда звук сильного низкого голоса заставил меня вздрогнуть:

– Как ты посмел, червяк, проникнуть сюда, в это священное место? Как решился осквернить его своим присутствием?

Похоже, ответа голосу не требовалось, ведь это явно были

риторические вопросы.

— Надо же, сколько пафоса, напоминает какой-то знаковый фильм ужасов, — промелькнуло в голове, — впрочем, какая к чёрту разница — пора просыпаться. Ну же, Ник, открой глаза, это уже перебор...

К моему удивлению, говоривший молчал, и, кажется, всё-таки ожидал ответа, вот я и ляпнул первое, что пришло в голову:

— Э-э, я нечаянно, дяденька. Сам не знаю, как сюда попал, это же сон, да?

Ответом мне стали сначала молчание, а потом смех: не язвительный или устрашающий, а обычный хохот. Отсмеявшись, невидимый мужчина прокашлялся:

— Вот ведь болван, влез, а сам не знаешь куда?

— Не знаю, правда! — промычал я, всё ещё дрожа от страха. Рядом раздались звуки шагов, чертыхание и тихое бормотание:

— И что теперь с ним делать? — на что я тут же услужливо подсказал:

— Отпустите, а? Всё равно же ничего не видел, проснусь — даже не вспомню, что было. Ну, пожалуйста... — господи, слышали бы меня сейчас пацаны...

Невидимка хмыкнул:

— Отпустить, говоришь? Конечно, конечно, — и в его голосе появился неприятный холод, — но проучить тебя придётся, уж извини, — было очевидно, что он просто издевал-

ся. — Не надо было в чужой сон влезать. Так что, сейчас проснёшься и снова будешь дома. Только особенно не радуйся — там тебя никто не вспомнит, будто и не было никогда глупого мальчишки. *Никто не вспомнит*, — повторил он, и его последние слова прозвучали иронично и грустно, словно он сам пережил *подобное*.

Я даже не успел переварить сказанное, как оказался дома, только не в своей кровати, а на диване в гостиной. Отдышавшись и убедившись, что нахожусь в безопасности, а руки целы и здоровы, облегчённо простонал:

— Ну и приснится же такая дрянь...

За окном было хмурое зимнее утро, на часах — уже десять, в школу, конечно, опоздал, но меня это не расстроило. Я вообще не заморачивался вопросом: пойти сегодня или нет? Надо же было успокоиться после такого кошмара, хотя с ребятами договорился сходить на каток, но это же после занятий.

Дома никого не было: родители — на работе, а бабушка с сестрой гуляли. При мысли о младшей сестре губы невольно растянулись в улыбке: кто бы мог подумать, а ведь пять лет назад, когда мама привезла Лену из роддома, из-за ревности закатил такой скандал, стыдно вспоминать. Я игнорировал её очень долго, но лишь до того момента, когда мне дали поддержать сестру на руках. Сентиментально, но факт — именно тогда я принял Лену.

Слабенькая сестрёнка часто болела и плохо росла. Худая,

с большими грустными глазами, она никогда не хныкала и не капризничала, даже когда ей делали уколы. Просто держала меня за руку и тихо просила:

– Не уходи, Ника!

Она почему-то звала меня Ника, а не Коля, как мама, или Ник, как остальные. Мне это нравилось.

А ещё она не выговаривала букву «р», бабушка водила её к логопеду, но пока это не помогало. Я часто брал сестрёнку на руки, кружа по комнате, а она звонко смеялась:

– Ещё, Ника, ещё!

И хоть мне запрещали так делать, мы с сестрой никого не слушали — это был наш секрет.

Последнее время я часто взрывался по пустякам, орал на всех, даже на бабушку, но на Лену — никогда. Родители вздыхали:

– Ему уже пятнадцать, и когда, наконец, закончится этот ужасный переходный возраст?

О боже, можно подумать, сами такими не были...

Я просто хлопал дверью и уходил к себе, надев наушники, лишь бы не слушать их вопли. Лена тихо скреблась в дверь, чтобы молча сидеть на диване, играя с тряпичным зайцем или рассматривая картинки. Но мне всегда становилось легче на душе, потому что я был не один.

Вот почему в тот момент прежде всего подумал о младшей сестрёнке. До окончания занятий в школе ещё было время, сидеть дома не хотелось, и, взяв чехол с коньками, я по-

шёл на улицу — решил немного побродить. Думал, может, увижу, как Лена играет на детской площадке, и успокоюсь, а то на душе было так муторно, словно это дурацкое:

— *Никто тебя не вспомнит,* — и в самом деле могло сбыться.

Но в сквере у дома ни бабушки, ни Лены не оказалось, и я без цели слонялся по улицам, из головы не выходил ужасный сон. И тут около магазина увидел маму: она приближалась с нагруженной продуктами сумкой и при этом умудрялась говорить по мобильному. У меня защемило сердце в предчувствии неприятных вопросов о школе. Мама подошла почти вплотную, едва не задев, но... даже не посмотрела на «прогульщика», переложив мобильный в другую руку, и всё.

Что за дела? Так увлеклась болтовнёй, что не заметила сына? Я повернулся, крикнув ей вслед:

— Мам!

Она обернулась, скользнув по мне взглядом, пожала плечами и ушла. Как же так, неужели тот тип из сна оказался прав, и даже мама не узнала? Бред какой-то...

Беспомощно прислонился к стене магазина, пытаюсь прийти в себя. Чехол с коньками медленно сполз с плеча и упал на ногу, сильно ударив по пальцам. Я даже не вскрикнул, сейчас мне было куда больнее. Сердце бешено колотилось, спина снова взмокла. Закинув чехол на плечо, почти побежал в сторону строительной площадки — там работал папа, в это время обычно обедавший с ребятами из бригады

в кафешке неподалёку.

Я застал их выходящими из дверей кафе, смеющимися над каким-то бородатым анекдотом. Папа хохотал вместе со всеми — он прошёл в шаге от меня, так близко, что при желании я мог бы до него дотронуться. А его приятель, дядя Петя, чуть не налетев на меня, пробасил, извиняясь:

– Прости, дружок, не заметил. Ты в порядке, чего такой бледный? Иди, кофейку, что ли, попей, — и пошёл вслед за папой, окликая его:

– Подожди, Михалыч, не спеши, работа не волк...

Вот так, и никаких тебе:

– Привет, Николка, как там в школе, не выгнали ещё?

Развернувшись, медленно побрёл назад — не к дому, к школе. Оставались ещё друзья и одноклассники, если и они не узнают, то... И так уже было понятно, но я всё ещё на что-то надеялся.

У ворот школы ждать пришлось недолго: Женька и Санёк выскочили одними из первых, ничто не могло удержать их в ненавистных стенах дольше, чем положено. Прямо как меня. Они остановились неподалёку, и я обрадовался:

– Ждут, вон и коньки взяли. Хотя почему они сегодня со мной ни разу не связались?

Шагнул навстречу друзьям:

– Привет, пацаны...

– А ты вообще, кто? Эй, Жень, знаешь этого чудилу?

Немногословный Женька только отрицательно помотал

головой. Я вообще сомневался, слышал ли он хоть что-нибудь из сказанного нами — друг снимал наушники только на уроке. Санёк окинул меня недобрый взглядом, а с его бешеным характером ничего хорошего это не сулило. Поэтому я просто отступил: ввязываться в драку со своими же друзьями — та ещё глупость.

Закусив губу, неторопливо поплёлся к дому. Совру, если скажу, что мне легко удалось сохранить невозмутимость и не разреветься как девчонка прямо при *бывших* друзьях. Такие дела...

И вот теперь я стоял перед своим домом, перебирая заледеневшими пальцами ключи и не зная, что со всем этим кошмаром делать.

Не помню, как долго я завис в отчаянии, прислонившись спиной к заснеженному дереву и думая:

– Скоро Новый год, потом — каникулы. Для всех, кроме меня, потому что теперь у невидимки-Ника, похоже, всё время будут каникулы. Интересно, что мама положит под ёлку в этом году, может, планшет? Я так давно его просил... Вот дурак, планшет он захотел — зачем дарить *незнакомцу* планшет, а? И салатиков на праздник не поем, и торт слопают без меня. Тьфу, о чём я только думаю, лучше б сообразил, где сегодня буду ночевать. Зима, на скамейке в парке — не прокатит, хотя можно в подъезде, там тепло, ключ-то у меня с собой. А что я буду есть?

И тут послышался знакомый звонкий голосок — бабушка

с Леной возвращались домой.

– И почему так поздно? Опять, наверное, в поликлинику ходили, сестра, наверняка проголодалась, а ей нельзя, она же слабенькая совсем.

Только при мысли о ней я не смог больше сдерживаться и, что скрывать, пустил слезу и даже не одну. Спрятался за толстый ствол дерева, чтобы она меня не увидела: было бы совсем невыносимо убедиться, что и *сестрёнка* не узнаёт...

Лена держала бабушку за руку и, подсакивая на ходу, что-то рассказывала, смешно жестикулируя. Вдруг она остановилась, отпустив бабушкину ладонь, и, развернувшись, быстро пошла прямо по глубокому снегу в мою сторону. Бабушка, всплеснув руками, позвала её:

– Леночка, что случилось? А ну-ка, быстро иди ко мне! Да стой же ты, окаянная, кому говорю, вернись...

Но Лена, казалось, её и не слышала. Она вязла в снегу, радостно улыбаясь, и махала рукой. Я оглянулся, никого рядом не было, как она могла разглядеть меня за деревом? Ерунда какая... Сомнения развеялись, как только услышал её голосок:

– Ника, Ника, выходи, я тебя нашла!

Обалдевший от радости, ведь она меня *узнала*, выскочил из-за дерева. Коньки тяжело шлёпнулись вниз, снова отбив пальцы. Сестрёнка с радостным воплем бросилась ко мне, и я подхватил её на руки.

– Ника, Ника, давай *к-р-ужиться*! Давай! Слушай, как

получается — *кр-р-ужиться!*

Я смеялся и плакал одновременно, кружа её, пока один маленький сапожок не отлетел в сугроб. В этот момент совершенно отчётливо раздался звук бьющегося стекла — разлеталась вдребезги тёмная стена, делавшая меня невидимым для родных и близких людей. Это сделала она, сестрёнка...

Бабушка остановила наше безумное мельтешение, стуча маленькими кулачками по моей спине:

– Прекрати немедленно, дурак окаянный... Николай, кому говорю, остановись: смотри, девчонка уже побелела вся, а ты всё её вертишь, дурачина. Да постой спокойно, Елена Прекрасная, и перестань дрыгать ногами, а то сапог никак надеть не могу. Ох, внуки, это такое мученье, свалились вы на мою голову! — беззлобно ворчала она, с умилением глядя, как я на руках нёс сестру к дому, а та, крепко обняв меня за шею, шептала прямо в ухо:

– Ника, ты не бойся, я никому-никому не дам тебя обидеть. И тому злому дядьке — тем более...